

Тан Шэнь опешил и поднял на него взгляд.

— Ван Цюань в письме указал: если у господина Тан будет иной выбор, настаивать он не станет, ведь всем четырём можно безоговорочно доверять, — сказал Линь Сюй. — Но если господин Тан выберет именно этого человека, Ван Цюань просил передать: его вы можете использовать со спокойной душой. Всё, о чём вы слышали, думали и догадывались, действительно раскопал он.

Простая фраза отозвалась в душе Тан Шэня бурным всплеском эмоций.

Значит, Линь Сюй действительно доверенное лицо старшего соученика!

Старший соученик даже не стал скрывать от него то, что у Приказа серебряных ассигнаций есть особые каналы для сбора сведений в Государстве Ляо. Похоже, ему можно доверять ещё больше.

Тан Шэнь с невозмутимым видом произнёс:

— Тогда пусть будет он.

Смышлёный мужчина средних лет тут же отозвался:

— Простолюдин Цяо Инь, девятый по счёту в семье, в народе меня кличут Цяо Цзю. Цяо Цзю готов служить господину и ни за что вас не подведёт.

— Разбираешься в чае? — спросил Тан Шэнь.

— Разбираюсь, — ответил Цяо Цзю. — Ваш покорный слуга за свою жизнь много чем торговал. В молодости бывал на юге и вместе с друзьями занимался торговлей чаем, хотя с тех пор прошло немало лет.

— Хорошо. Я хочу, чтобы за один день ты превратился в торговца чаем. Ты прибыл из управы Гусу, что в Цзяннани, и торгуешь отборным чаем Билочунь высшего сорта.

Цяо Цзю поспешно закивал.

Линь Сюй увёл остальных, и лишь Цяо Цзю ещё ненадолго задержался на постоялом дворе.

К вечеру в почтовый двор Ючжоу доставили письмо, отправленное Ван Чжэнем для Тан Шэня.

Тан Шэнь забрал письмо у гонца и торопливо распечатал его. На тонкой рисовой бумаге плавно разворачивался изящный, вольный почерк Ван Чжэня. И хотя написано всё было аккуратным каллиграфическим письмом, за каждым взмахом кисти угадывалась благородная, возвышенная натура автора.

В письме Ван Чжэнь объяснял, почему поручил Линь Сюю помочь Тан Шэню с выбором людей. Он просил Тан Шэня не принимать это на свой счёт и не думать, будто тот пытается вмешаться в его дела. Просто у Приказа серебряных ассигнаций уже давно были свои связи в Ляо, и теперь поручение вполне естественным образом переходило в руки Тан Шэня.

«...Сегодня вместе с Учителем любовался цветущей Хайтан. Тысячи её свисающих ветвей подобны пышным волосам красавицы. И пришла мне мысль, что Цзинцзэ всё ещё в Ючжоу, где кружит жёлтый песок да не долетает весенний ветер, отчего я невольно вздохнул. Учитель спросил, о чём печалится Цзыфэн, и я ответил, что скучаю по младшему соученику. Зная, как

ты любишь подшучивать надо мной, но вечно не находишь нужных слов и терпишь неудачу за неудачей, поведаю тебе, как поддел меня Учитель».

Первая длинная часть письма была посвящена важным делам, и Тан Шэнь читал её с предельным вниманием. Но когда в самом конце Ван Чжэнь заговорил о забавном случае из жизни, глаза Тан Шэня вспыхнули. За те полмесяца, что он провёл в городе Ючжоу, он ни на день не расслаблялся, постоянно пребывая в напряжении. Теперь же, читая эти строки, он почувствовал, как к сердцу подступило тепло, и тихо прошептал:

— Старший соученик, я тоже скучаю по тебе.

Он продолжил чтение.

«Учитель сказал: “Испокон веков бытует одна поговорка, которая подходит Цзыфэну как нельзя лучше”.

Я спросил: “Какая же?”

Учитель тяжело вздохнул, воззрился на небо и молвил: “Мать всегда тревожится за дитя, отправившееся в дальний путь!”

Младший соученик, так как по-твоему: следует мне беспокоиться о тебе или нет?»

Тан Шэнь со смехом и досадой дочитал письмо. Он медленно провёл подушечкой пальца по росписи Ван Цзыфэна. Сначала он улыбался, но спустя мгновение улыбка угасла. Тан Шэнь с трогательной благодарностью произнёс:

— Старший соученик рассказал мне такую шутку и даже посмеялся над собой... Разве он сделал это не для того, чтобы я расслабился и перестал так сильно изнурять себя?

Тоска по Ван Цзыфэну разгорелась в его груди ещё сильнее — словно водка Шаодаоцзы, которую так любили воины Ючжоу, обжигая душу и заставляя трепетать всё его существо.

Однако мгновение спустя в памяти всплыли слова Су Вэньюня, и лицо Тан Шэня вновь похолодело.

Три дня назад Су Вэньюнь, вероятно, и помыслить не мог, что Тан Шэнь категорично и без тени сомнений отчитает его, обвинив в клевете на Ван Чжэня и очернении его чести. Су Вэньюнь поддался на этот блеф и поверил в глупую ложь Тан Шэня, решив, что и впрямь неправильно понял Ван Чжэня. И, судя по себе, даже принёс Ван Чжэню извинения.

Кто бы мог подумать, что в тот день засомневался даже сам Тан Шэнь! Впоследствии он с праведным гневом упрекал Су Вэньюня лишь ради того, чтобы защитить имя Ван Чжэня, не имея при этом никаких веских доказательств.

Ван Чжэню в этом году исполнилось двадцать девять, и он до сих пор не женат. На то могли быть лишь три причины.

Во-первых, он просто не встретил ту самую: из-за слишком высоких требований он не желал идти на уступки, а потому до сих пор оставался холост.

Во-вторых, импотенция. Хотя некоторые мужчины вполне могли бы скрыть это, взяв жену для вида, а потом свалить отсутствие детей на женщину, сняв с себя ответственность, Тан Шэнь

знал, что Ван Чжэнь не таков. Если у старшего соученика действительно была мужская слабость, он ни за что не стал бы ломать жизнь какой-нибудь девушке.

И во-третьих...

— Ван Цзыфэн и вправду любит мужчин?

Тан Шэнь сдвинул брови, и всё его лицо сокрушённо сморщилось. Он долго метался в сомнениях, одолеваемый тяжкими раздумьями, пока наконец тяжело не вздохнул:

— Импотенция или Страсть Лунъян — что из этого лучше?

Помолчав, он добавил:

— Впрочем, меня это всё равно не касается. Пусть даже старшему соученику нравятся мужчины — ну и что с того? Он всё равно остаётся моим старшим соучеником.

Его взгляд надолго задержался на тонком листе бумаги. Тан Шэнь даже не заметил, как, размышляя о том, страдают ли у Ван Цзыфэна силы или же им владеет Страсть Лунъян, он бессознательно сжимал рисовую бумагу пальцами, едва не измяв её в клочья. Однако, придя к окончательному выводу, он внезапно перевёл дух, и в глубине его души даже зародилось странное, неясное ожидание.

Тан Шэнь изогнул губы в улыбке и тихо сказал:

— Я проведу с ним всю жизнь и буду относиться к нему как к родному человеку.

Словно пытаясь утешить себя, Тан Шэнь принял решение. Он достал чистый лист рисовой бумаги и принялся писать ответное письмо Ван Чжэню.

На следующее утро Тан Шэнь тайком собрал вещи и оставил их в комнате постоянного двора. Чтобы не привлекать внимания, он приказал своему слуге Фэнби остаться в Ючжоу, а сам намеревался один отправиться в Ляо. Утром Тан Шэнь подозвал посыльного и передал ему письмо для Ван Чжэня:

— Через сколько дней оно дойдёт до Шэнцзина?

— Отвечаю господину: поскольку это не военная депеша, отправлять её по срочному каналу нельзя, — доложил посыльный. — В обычном порядке потребуется шесть дней. Но если господин пожелает, ваш покорный слуга может попросить поторопиться, и письмо доставят примерно за четыре дня.

— Четыре дня... Не нужно, пусть будет шесть.

— Слушаюсь.

Отправляя письмо, Тан Шэнь столкнулся с Су Вэньюнем.

Они пересеклись в коридоре и переглянулись.

Су Вэньюнь с натянутой улыбкой произнёс:

— Господин Тан, какая нескладуха.

Тан Шэнь сложил руки в приветственном жесте:

— Нижний чин приветствует господина правого заместителя министра Приказа общественных работ.

Су Вэньюнь смерил его косым взглядом и шагнул прочь. В тот миг, когда они разминались в узком проходе, Тан Шэнь едва слышно прошептал:

— Сегодня глубокой ночью.

Замминистра на мгновение запнулся, но тут же продолжил путь и гордо удалился.

Настала ночь. Город Ючжоу погрузился в тишину, и лишь весенний буйный ветер с воем трепал тополя евфратские, разносившие вокруг шумное шуршание листвы.

На востоке города Ючжоу глухо стучали копытами лошади, тащившие две повозки с жалованьем для войска.

Когда повозки приблизились к городским воротам, стражники преградили им путь и громко окликнули:

— Что за телеги? Зачем выезжаете из города посреди ночи?

Сопровождавший груз служащий тут же вынул разрешение и протянул воину, виновато улыбаясь:

— Господин, ваш покорный слуга — посыльный из Приказа серебряных ассигнаций. К нам поступила новая партия армейского жалованья, и Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ срочно требует её к себе, оттого и пришлось везти ночью. Взгляните сами: здесь и печать Приказа серебряных ассигнаций, и оттиск жетона Ли Цзиндэ.

Воины города Ючжоу и Приказ серебряных ассигнаций издавна не ладили между собой. Стражник взгляделся в документ: оттиск печати Приказа серебряных ассигнаций был настоящим, да и знак Фельдмаршала Запада выглядел подлинным.

Приказ серебряных ассигнаций вызывал такое неприятие не только потому, что распоряжался всем довольствием и жалованьем гарнизона Ючжоу, но и оттого, что его чиновники вечно поступали наперекор правилам. Не говоря уже о серебряных векселях, доставка жалованья глубокой ночью случалась у Приказа серебряных ассигнаций далеко не в первый раз.

Стражник уже намеревался высказать пару ласковых, но другой солдат рядом одёрнул его:

— Эй, это же дело Ли Цзиндэ. Ты будто не знаешь его крутого нрава. Пропусти.

Стражник поразмыслил и с досадой вздохнул:

— Проезжайте.

Со скрипом отворились городские ворота, и солдаты, даже не досмотрев повозки, выпустили обе машины за ворота.

Выезд повозок с жалованьем из города Ючжоу остался никем не замеченным. Весть об этом даже не дошла до Ли Цзиндэ, и сам Ли Цзиндэ и понятия не имел, что глубокой ночью «затребовал» у Приказа серебряных ассигнаций очередную партию серебра.

Восьмого дня четвёртого месяца небеса заволокло густыми тучами, скрывшими и луну, и звёзды.

На постоялом дворе Ючжоу Су Вэньюнь не смыкал глаз всю ночь. Он сидел у стола, чашка за чашкой наливая себе чай. Лишь когда рассвело, он потянулся за новым глотком и вдруг обнаружил, что чайник давно пуст, а сам он до отказа напился холодной водой.

Тем временем Тан Шэнь во главе отряда благополучно покинул город Ючжоу, не привлекая ничьего внимания.

<http://bllate.org/book/18292/1757348>